

Роль современного кинематографа в формировании представлений о будущем у студенческой молодежи

The role of contemporary cinema in shaping students' perceptions of the future

DOI: DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-4-55-69

УДК 316.77:316.346.32-053.6

Получено: 18.10.2025

Одобрено: 22.11.2025

Опубликовано: 25.12.2025

Русия Н.Т.

Канд. полит. наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар
e-mail: natarus2412@mail.ru

Rusiya N.T.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar
e-mail: natarus2412@mail.ru

Левченко Д.О.

Старший преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар
e-mail: dany.lev91@gmail.com

Levchenko D.O.

Senior Lecturer of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar
e-mail: dany.lev91@gmail.com

Аннотация

Цель работы заключается в определении роли современного кинематографа в конструировании представлений о будущем у студенческой молодежи России и выявлении структурных компонентов образов будущего, формирующихся под воздействием медиаконтента. Методологическую основу исследования составляют политико-психологический, социокультурный, конструктивистский, семиотический и пространственно-временной подходы, а также теория социальных представлений. Эмпирическая база включает результаты онлайн-анкетирования 1116 студентов вузов Краснодарского края и 10 фокус-групповых интервью с представителями студенчества на факультетах различной направленности: социально-гуманитарной, естественно-научной и творческой. Показано, что кино выступает одним из ключевых каналов формирования социальной временной перспективы молодежи: большинство студентов обращаются к фильмам и сериалам о будущем, при доминировании антиутопий, научной фантастики и постапокалиптических сюжетов. Образы будущего характеризуются ценностной и эмоциональной амбивалентностью: преобладают надежда, оптимизм и интерес к будущему России при одновременном присутствии тревоги и опасений, связанных с социальными, политическими и экологическими рисками. Выделены три взаимосвязанных компонента образов будущего – ценностный, символический и субъектно-деятельностный, задающие рамки осмыслиения личной и коллективной ответственности, возможных траекторий развития страны и собственного места в будущем. Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении

механизмов политico-психологического влияния визуальной культуры на молодежную временную перспективу и социальное воображение. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов при разработке программ молодежной политики, медиаобразования и проектировании образовательных и культурных форматов, ориентированных на формирование позитивных, основанных на ценностях и социальной ответственных образов будущего.

Ключевые слова: образ будущего, современный кинематограф, футурологические сюжеты, представления о будущем, молодежная политика, студенческая молодежь, Краснодарский край.

Abstract

The purpose of this study is to determine the role of contemporary cinema in shaping representations of the future among Russian university students and to identify the structural components of these future-oriented images formed under the influence of audiovisual media content. The methodological framework integrates political-psychological, sociocultural, constructivist, semiotic, and spatio-temporal approaches, as well as the theory of social representations. The empirical basis includes an online survey of 1,116 university students in the Krasnodar Territory and ten focus-group interviews involving representatives of different segments of the student population. The findings demonstrate that cinema serves as one of the key channels through which young people construct their social time perspective: respondents frequently engage with films and series depicting the future, with dystopian, science-fiction and post-apocalyptic narratives being particularly prevalent. The emerging images of the future are marked by value-based and emotional ambivalence, combining hope, optimism, and interest in Russia's future with concerns related to social, political, and environmental risks. Three interrelated components of these future images are identified – value-based, symbolic, and agency-related – which structure young people's understanding of personal and collective responsibility, possible trajectories of national development, and their own place within these scenarios. The theoretical significance of the study lies in clarifying the mechanisms through which visual culture exerts political-psychological influence on young people's temporal perspective and social imagination. The practical significance is associated with the potential application of the findings in youth policy design, media education, and the development of educational and cultural formats aimed at fostering constructive, value-oriented, and socially responsible visions of the future.

Keywords: image of the future, contemporary cinema, futurist narratives, future representations, youth policy, university students, Krasnodar Territory.

Введение

Формирование целостного и позитивного образа будущего является одной из ключевых задач современного российского общества, ориентированного на устойчивое развитие, общественную консолидацию и повышение уровня субъектности и социальной ответственности молодежи. Согласно данным исследований ФНИСЦ РАН, в 2023 г., у значительной части российской молодёжи сохраняются неопределенность и противоречивость в оценке будущего. Существенная доля опрошенных выражает тревогу, неуверенность и ощущение нестабильности при попытке представить своё положение в среднесрочной перспективе. Молодые респонденты нередко смотрят в своё будущее и будущее страны с сочетанием надежды и тревоги, что является наиболее распространённым типом эмоциональной оценки. В обсуждении 10-летнего горизонта развития молодёжь часто подчёркивает трудно предсказуемость, неоднозначность и зависимость результатов от внешних факторов, включая социально-экономические и политические изменения [2].

Эти тенденции свидетельствуют о наличии дефицита позитивных, содержательно наполненных и соотносимых с национальными ценностями образов будущего, необходимых для формирования зрелой гражданской идентичности и стратегического видения. В условиях высокой медиатизации современный кинематограф как часть креативных индустрий становится одним из ключевых каналов формирования представлений о будущем, выполняя

не только развлекательную, но и коммуникативную, познавательную, нормативную и ценностно-транслирующую функции, которые существенно влияют на процессы социального воображения.

Особенно значимым влияние кинематографа становится для студенческой молодежи – одной из наиболее медиаактивных групп российского общества. Согласно аналитике «МегаФон» и START (2024), количество времени, проводимого пользователями за просмотром фильмов и сериалов, увеличилось на 45%, при этом доля поколения 17–25 лет составляет около 25% общего объема медиапотребления¹.

Вместе с тем на уровне образовательных и молодежных практик наблюдается дефицит институциональных форматов, направленных на формирование позитивных моделей будущего, выходящих за рамки отдельных учебных дисциплин. В этих условиях изучение роли кинематографа в конструировании образов будущего представляет как научную значимость – в части исследования механизмов политико-психологического влияния медиа, – так и практическую, связанную с выработкой эффективных инструментов молодежной политики.

Обзор научной литературы

Структурированный обзор научной литературы, посвящённой проблематике формирования представлений о будущем, демонстрирует высокий уровень междисциплинарности: идеи и концепты, значимые для анализа роли кинематографа, сформированы в политической психологии, социальной философии, культурологии, медиаисследованиях и футурологии. В центре внимания большинства теоретических подходов оказывается вопрос о том, каким образом массовое сознание продуцирует и закрепляет образы будущего, через какие институты и практики эти образы транслируются, а также каким образом визуальная культура – в том числе кино – конвертирует абстрактные ценности и идеологемы в доступные и эмоционально насыщенные символические конструкции.

Существенный эвристический потенциал для интерпретации полученных эмпирических данных имеет политико-психологический подход, в рамках которого образ страны, её прошлого и будущего рассматривается как сложная система когнитивных, эмоциональных и ценностных элементов. Концептуальная модель восприятия России гражданами, разработанная профессором факультета политологии МГУ – Е.Б. Шестопал, выделяет несколько ключевых компонентов – образ территории, образ народа, образ власти, образ политического лидера и geopolитический образ страны [19, с. 100–101]. Каждый из этих компонентов оказывается чувствителен к изменениям как в политическом дискурсе, так и в символическом пространстве массовой культуры. Футурологические сюжеты кинематографа, включая антиутопии и научную фантастику, во многом репрезентируют трансформированные варианты этих образов, перенося их в будущее и тем самым предлагая молодёжи своеобразный «полигон» для осмыслиения возможных сценариев развития страны, её места в мировом сообществе и собственного положения в этом будущем.

Не менее значимыми являются теоретические разработки в области психологии самоопределения, восходящие к идеям С.Л. Рубинштейна и М.Ю. Гинзбурга. В их работах подчёркивается, что процесс жизненного самоопределения человека неразрывно связан с формированием временной перспективы, представлений о собственном будущем, о профессиональной, гражданской и социальной траектории [4, 16]. Для студенческой молодёжи, находящейся на пороге выбора жизненных стратегий, кинематографические сюжеты о будущем могут выступать своеобразной «лабораторией» опробования ролей и сценариев – как конструктивных, основанных на идеалах созидания и ответственности, так и деструктивных, связанных с апатией, эскапизмом и отказом от участия в общественной жизни.

¹ «МегаФон» и START провели исследование рынка онлайн-кинотеатров. РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/industries/news/65e83ed29a7947a7f62f4f6a> (дата обращения: 01.10.2025).

Важное место в теоретической рамке исследования занимает социокультурный подход, представленный в работах П. Сорокина [17], Р. Мертона [12], Н.И. Лапина [10] и других исследователей, рассматривающих культуру как систему ценностей и норм, интегрирующую общество и задающую горизонты ожиданий. В отечественной традиции особый интерес представляют исследования М.И. Жабского, Т.С. Мартыненко и М.С. Мкртычевой, в которых кино трактуется как социальный институт, выполняющий универсальные функции: познавательную, коммуникативную, адаптационную, регулятивную и аксиологическую. Кинематограф, будучи частью массовой культуры, не только отражает доминирующие ценностные структуры, но и активно участвует в их воспроизведстве и модификации [5, 11, 13]. В этой связи футурологические фильмы и сериалы могут рассматриваться как один из ключевых каналов передачи молодёжи моделей ожидаемого и желаемого будущего, формируя нормативные представления о «правильной» или, напротив, недопустимой конфигурации общества, технологий, власти и межличностных отношений.

Существенный вклад в понимание механизмов конструирования будущего внесли теории социального конструктивизма, разработанные П. Бергером и Т. Лукманом. Социальная реальность в этих концепциях интерпретируется как результат процессов типизации, институционализации и легитимации, в ходе которых определённые представления закрепляются как естественные и «само собой разумеющиеся» [1]. Кинематографические тексты встраиваются в этот процесс, представляя зрителю типовые сценарии будущего – технократического, экологически деградировавшего, тоталитарного, фрагментированного и т.д. – которые фиксируются в сознании как одна из возможных, часто наиболее ярких и эмоционально окрашенных моделей. Молодёжная аудитория, обладающая высоким уровнем медиапотребления, оказывается особенно восприимчивой к этим конструкциям, поскольку значительная часть её опыта взаимодействия с идеями и образами будущего опосредована экранной культурой.

Для определения особенностей субъективного восприятия будущего молодежи через ценности и установки во временной проекции нами использованы положения теории социальных представлений С. Московичи [14]. Социальные представления выступают посредником между индивидуальным опытом и коллективными смысловыми структурами, позволяя индивидам присваивать сложные явления через доступные образы, метафоры и сюжеты. В случае с кинематографом образы будущего – будь то образ техногенной антиутопии или, напротив, высокотехнологичного, но гармоничного общества – становятся опорными элементами, вокруг которых организуются обсуждения, оценки и ожидания молодежи. Важной особенностью является то, что в ходе интерпретации молодые люди активно соотносят увиденное с собственным социальным опытом, актуальной повесткой и политической ситуацией, что делает кинематографический текст частью более широкого дискурсивного поля.

Футурологическая перспектива в рамках гуманитарных исследований во многом восходит к работам Ф. Полака, связывавшего характер образов будущего с доминирующей системой ценностей и настроем общества – оптимистическим или пессимистическим [24]. С его точки зрения, наличие позитивных, внутренне согласованных коллективных представлений о будущем является важнейшим ресурсом развития, тогда как преобладание мрачных, апокалиптических и фаталистских сценариев свидетельствует о состоянии культурного и ценностного кризиса. Применительно к современной российской действительности это позволяет рассматривать популярность антиутопий и постапокалиптических сюжетов среди молодежи как маркер напряжённости и неопределенности, которую молодые люди испытывают, оценивая собственные перспективы и перспективы страны.

Методологически значимой для настоящего исследования является также теоретическая модель формирования образа страны, предложенная Т.Н. Пищевой, Н.С. Виноградовой и А.Д. Недовой [12, с. 108]. Авторы выделяют несколько параметров анализа – субъектный, пространственный, темпоральный, политico-культурный и политico-психологический.

Субъектный параметр акцентирует зависимость образа страны от характеристик воспринимающего субъекта (в данном случае студенческой молодежи); пространственный – позволяет учитывать многоуровневую структуру политico-географических представлений (от локального до глобального уровней); темпоральный – соотносит образы прошлого, настоящего и будущего; политico-культурный – включает мифы, этнонациональные и ценностные аспекты; политico-психологический – фиксирует когнитивные и эмоционально-поведенческие компоненты. Футурологические произведения кинематографа могут быть интерпретированы через эту призму как площадка, где совпадают сразу несколько параметров: молодые россияне проецируют на экранные сюжеты собственные пространственно-временные и ценностные координаты, оценивая сценарии развития страны и мира.

Семиотический подход, связанный с именем Ю.М. Лотмана и других представителей тартуско-московской школы, позволяет углубить анализ кинематографа как текстуальной и знаковой системы [22]. Кино в этой перспективе рассматривается как сложное семиотическое пространство, в котором создаются и циркулируют знаки, символы, мифологемы, архетипические фигуры. Образы будущего в фильмах и сериалах выступают не только как «картинки», но и как структурированные системы значений, включающие представления о норме и девиации, прогрессе и регрессе, центре и периферии, человеке и технике, природе и цивилизации. Молодежная интерпретация этих знаковых структур, зафиксированная в фокус-группах, демонстрирует способность студентов распознавать и обсуждать не только сюжетные элементы, но и ценностно-символический подтекст произведений.

Пространственно-временной подход, развиваемый как в зарубежной (Б. Джессоп, П. Пирсон), так и в отечественной науке (Д.Н. Замятин), акцентирует внимание на том, что политическое и социальное воображение всегда локализовано и темпорализовано: образы будущего не существуют вне представлений о пространстве (страна, регион, город, планета) и времени (ближняя или дальняя перспектива, переломные или «нормальные» времена) [20,23]. В работах Д.Н. Замятин географический образ определяется как «система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов», что позволяет соотнести кинематографические футурологические миры с более широкими культурными картами мира, которыми пользуется молодежь [6, с. 29]. В этом контексте можно предположить, что выбор тех или иных кинопроизведений (например, космических эпопей, киберпанковских антиутопий или отечественных фильмов о будущем России) отражает предпочтительные для студентов схемы пространственно-временного саморазмещения.

Наконец, важный пласт литературы связан с гуманистической концепцией молодежи и теорией молодежной политики, разработанной И.М. Ильинским и другими отечественными исследователями. Молодёжь, в том числе студенчество, рассматривается не только как объект воздействия со стороны государства и институтов социализации, но и как самостоятельный субъект, обладающий потенциалом инициативы, инноваций и критического мышления [8]. В этой логике кинематограф предстает не только инструментом внешней манипуляции, но и ресурсом для саморефлексии, формирования собственной позиции и осмысления будущего.

Значимый вклад в изучение темы внесла работа В.С. Комаровского, который на основе серии фокус-групп продемонстрировал, что российская молодёжь связывает образ будущего страны с запросом на изменения, социальную справедливость, эффективное государственное управление и устойчивый социальный прогресс. Молодые респонденты рассматривают будущее как важный фактор собственной идентичности, одновременно фиксируя дефицит ясных стратегических ориентиров и слабость позитивного образа страны в настоящем [9, с. 188–189]. Проблематика образа будущего получила развитие и в рамках масштабного исследования под руководством А.А. Токарева, реализованного с помощью психографического анализа. Авторский коллектив выявил существенные расслоения в массовом сознании – в оценках власти, социального неравенства, региональных различий, а также уровня патернализма. Особое внимание уделено молодёжной аудитории, демонстрирующей противоречивое сочетание ориентации на стабильность и запросов

на модернизацию. Авторы указывают, что нормативный образ будущего для молодых россиян включает ожидание более справедливого устройства государства и усиления субъектности граждан [18].

Содержательные компоненты образа будущего детально раскрыты в работе Ю.А. Зубок и Н.А. Селиверстовой. На основе репрезентативного всероссийского опроса авторы выявляют ключевые смысловые основания будущего в молодёжном сознании: доступное здравоохранение, сильная семья, комфортное жизненное пространство, эффективная власть, баланс прав и обязанностей, качественное образование и активное гражданское участие. Исследование демонстрирует, что образ будущего тесно связан с эмоциональной сферой – надежда, тревожность, уверенность и возмущение оказывают прямое влияние на содержание молодёжных ожиданий [7, с. 59–60].

Значительный вклад в понимание механизмов формирования образа будущего вносит блок исследований, посвящённых медиа-поведенческим практикам. В статье А. Казакова представлен анализ того, как цифровые медиа и структура потребления информации определяют политическую социализацию молодёжи. Автор показывает, что персонализированные ленты новостей, высокая скорость цифровой коммуникации, распространённость цифрового эскапизма и избыточная фрагментация информационного пространства приводят к усложнению формирования целостного политического образа будущего. При этом низкий уровень медийной компетентности делает молодёжь уязвимой к дезинформации, что дополнительно влияет на структуру политических ожиданий и доверие к институтам [21].

Отдельный пласт работ рассматривает ценностно-идеологические детерминанты конструирования будущего. Так, А.А. Вилков показывает, что формирование политических представлений молодёжи о будущем страны базируется на сочетании оппозиционного настроя к действующей модели политического управления и ориентации на эволюционные, легитимные способы изменений. Исследование подчёркивает зависимость представлений о будущем от политических ценностей, уровня доверия к институтам и степени включённости молодёжи в социальные и политические практики [3, с. 102–104].

Таким образом, научная литература фиксирует устойчивый тренд: образ будущего для молодёжи – это не абстрактная концепция, а структурированный набор ожиданий, отражающий сочетание запросов на модернизацию, социальную стабильность, справедливость и повышение эффективности власти. Этот комплекс факторов определяет и политическое поведение молодёжи, и её отношение к государству, и перспективы развития политической культуры. Для исследования роли современного кинематографа в формировании представлений о будущем у студенческой молодежи необходимо сочетание политico-психологического, социокультурного, конструктивистского, семиотического и пространственно-временного подходов. Кино в этих теоретических оптиках выступает одновременно и как институт массовой культуры, транслирующий ценности и идеологии; и как семиотическое пространство производства символов и мифов; и как один из ключевых каналов конструирования социальных представлений и образов будущего, в рамках которых молодежь осуществляет своё самоопределение и формирует отношение к судьбе страны, общества и собственной жизненной перспективе.

Методы

Для реализации целей и задач исследования был использован междисциплинарный комплексный подход, объединяющий в себе как количественные, так и качественные стратегии, что позволило обеспечить глубинное изучение механизмов формирования представлений о будущем у студенческой молодежи под влиянием современного кинематографа. Эмпирическая база исследования включает онлайн-анкетирование и фокус-групповые интервью со студентами вузов Краснодарского края. Выбор региона обусловлен несколькими ключевыми факторами. Во-первых, Краснодарский край входит в число лидирующих субъектов России по объему медиапотребления в онлайн-кинотеатрах, уступая

только столичному региону, что делает его репрезентативной площадкой для изучения влияния киноиндустрии на молодежные ценности. Во-вторых, студенческая молодежь края представляет значимую социально-демографическую группу: по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея, в 2023/24 учебном году численность студентов вузов региона составила 103,4 тыс. чел.²

В-третьих, регион характеризуется развитой инфраструктурой молодежной, образовательной, культурной и проектной активности, но при этом испытывает дефицит специализированных форматов работы с образами будущего, выходящих за рамки учебного процесса, что делает его выбор аналитически значимым. Онлайн-анкетирование было проведено на первом этапе исследования и охватило 1116 студентов вузов Краснодарского края. Опрос проводился через университетские сетевые сообщества, студенческие объединения, а также социальные сети, что обеспечило широкий охват и разнообразие участников. Анкета включала блоки вопросов, направленные на выявление (а) пула наиболее востребованных у молодежи произведений кинематографа, содержащих футурологические сюжеты; (б) когнитивных, ценностных и эмоциональных компонентов восприятия будущего России; (в) индивидуальных и коллективных барьеров, затрудняющих формирование позитивного образа будущего; (г) особенностей временной перспективы молодежи (представления о будущем в интервалах 5, 10 и 50 лет).

На втором этапе исследования были проведены фокус-групповые интервью, которые позволили получить глубинные интерпретации и индивидуальные эмоционально-смысловые реакции студентов на просмотренные ими произведения о будущем. Всего было проведено 10 фокус-групп, в которых приняли участие представители различных категорий студенчества: активисты и участники лидерских сообществ, студенты с низким уровнем социальной включенности, а также обучающиеся, вовлеченные в производство, анализ и оценку объектов киноиндустрии (студенты творческих факультетов). Обсуждение включало вопросы о восприятии футурологических сюжетов, оценке реалистичности экранных миров, эмоциональном отношении к темам технологизации, социальной трансформации, угроз и возможностей будущего, а также о предпочтениях молодежи в отношении сценариев развития России.

Комбинация количественных и качественных методов позволила получить целостную картину того, какие образы будущего циркулируют в современной киноиндустрии, каким образом они интерпретируются студенчеством и какие ценностные, когнитивные и эмоциональные структуры формируются под их влиянием. Такой подход соответствует междисциплинарной природе исследуемой проблемы и обеспечивает высокий уровень валидности и аналитической глубины полученных данных.

Результаты

Эмпирическое исследование медиапредпочтений, ценностных ориентаций и представлений о будущем среди студентов Краснодарского края позволяет реконструировать комплексное и многомерное восприятие молодёжью будущего России. Полученные данные отражают не только вкусы и интересы в сфере кинематографа, но и формирование ценностных моделей, мировоззрения, эмоциональных установок и социальных ожиданий. На первом этапе исследования была использована анкета с множественным выбором и открытыми вопросами, что позволило сочетать количественный анализ с качественной интерпретацией.

Одним из ключевых параметров исследования стала частота обращения студентов к фильмам и сериалам, действие которых происходит в будущем. Данные демонстрируют, что к данной тематике обращается большинство респондентов, хотя степень вовлечённости при

² Краснодарский край в цифрах 2023. Статистический сборник. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея. [Электронный ресурс]. URL:https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kk_23.pdf?ysclid=mi1tu72enx471891909 (дата обращения: 01.10.2025).

этом неоднородна. Почти 90% респондентов хотя бы время от времени смотрят футуристические фильмы или сериалы. Число постоянных поклонников жанра (2,96%) относительно невелико, что отражает скорее нишевый статус жанра в структуре массового медиапотребления, однако составляет заметную группу культурных энтузиастов. В совокупности структура данных демонстрирует устойчивый, но преимущественно непостоянный интерес к футурологической тематике, что типично в отношении аудитории, для которой такая тематика служит скорее средством рефлексии, чем основным видом аудиовизуального досуга.

Анализ жанровых предпочтений респондентов показывает, что молодёжь избирательна в отношении тематик, отражающих различные варианты будущего. Наиболее популярным жанром стала антиутопия: 47,67% респондентов указали, что именно этот жанр вызывает у них наибольший интерес. Этот факт свидетельствует о распространённости критического взгляда на социальные процессы и возможные сценарии развития общества. Научная фантастика как жанр, традиционно ориентированный на технологические инновации, космические исследования и философские вопросы будущего, занимает второе место в структуре предпочтений (45,52%). Существенную долю интереса привлекают также постапокалиптические сюжеты (38,71%), что, по всей вероятности, связано с актуализацией тем экологической нестабильности, социальных кризисов и глобальных рисков. Фэнтези с футуристическими элементами вызывают интерес у 33,15% респондентов, а мультильмы, обращающиеся к теме будущего, – у 25,81%. Несколько меньшая доля интересуется киберпанком (23,75%) и аниме о будущем (23,39%), что отражает сегментированность данных жанров и специфику фанатских сообществ. Структура предпочтений позволяет заключить, что российская молодёжь воспринимает будущее сквозь призму одновременно технологического и социального воображения, при этом наиболее значимы сюжеты, связанные с критическими или угрожающими сценариями развития.

Анализ открытых ответов о наиболее запомнившихся фильмах или сериалах о будущем выявил ряд общих мотивов, позволяющих реконструировать восприятие ключевых идей футуристического кино. Наиболее часто упоминались сюжеты, связанные с искусственным интеллектом, робототехникой, космическими исследованиями, а также философскими размышлениями о человеческой идентичности. Существенную роль играют образы разрушенных или трансформированных обществ, экологические катастрофы и политические кризисы. Фильмы и сериалы, описывающие будущее, запоминаются, прежде всего, благодаря ярко выраженным эмоциональным и сюжетным контрастам, что позволяет зрителям сопоставлять актуальные социальные проблемы с гипотетическими сценариями будущего. Таким образом, для современной молодёжи кинематограф выступает важным инструментом рефлексии и интерпретации социального опыта.

Эмоциональное восприятие будущего России демонстрирует сочетание позитивных ожиданий и умеренной тревожности, что характерно для молодёжной аудитории, формирующейся в условиях социальной неопределенности и глобальных трансформаций. Анализ средних значений по шкале от 1 до 5 показал, что наиболее интенсивными оказались такие эмоции, как надежда ($M \approx 4,35$), гордость ($M \approx 4,27$), оптимизм ($M \approx 4,17$) и любопытство ($M \approx 4,05$). Эти показатели указывают на преимущественно конструктивное отношение студентов к будущему страны, воспринимаемому ими как пространство возможностей и развития.

Наряду с этим фиксируется присутствие эмоций более тревожного характера: тревога ($M \approx 2,70$) и страх ($M \approx 2,43$) демонстрируют средний уровень выраженности. Хотя эти значения заметно ниже позитивных эмоций, они отражают существование обеспокоенности социальными, экономическими и политическими рисками, которые молодые люди связывают с будущим России. Наименее выраженной эмоцией оказалось равнодушие ($M \approx 1,91$), что свидетельствует о высокой степени эмоциональной включённости студентов в размышления о долгосрочных перспективах страны. Таким образом, эмоциональный профиль респондентов

характеризуется амбивалентностью, сочетающей уверенность, интерес и позитивные ожидания с осознанием возможных вызовов и неопределённостей.

Представления студентов о роли России в мире к середине XXI в. логически продолжают обозначенную ценностную рамку. Их ответы, как правило, формируют образ страны, сочетающий способности к самостоятельному развитию и лидерству с осознанием объективных внешних ограничений. В качественных комментариях нередко подчёркивается потенциал России как самостоятельного центра силы, способного усиливать своё геополитическое и научно-технологическое влияние на международной арене. Вместе с тем студенты отмечают и существенные барьеры – санкционное давление, демографические вызовы, экологические угрозы, институциональные и экономические сложности. Таким образом, восприятие международного положения России представляется рационально взвешенным: оно объединяет умеренный оптимизм и понимание структурных факторов, способных замедлять или корректировать динамику развития страны.

Качественный анализ фокус-групп, проведённых со студентами различных факультетов Кубанского государственного университета (факультет управления и психологии, художественно-графический факультет, факультет истории, социологии и международных отношений, факультет компьютерных технологий и прикладной математики, экономический факультет), позволил реконструировать сложную структуру образов будущего, формирующуюся у молодёжи под влиянием кинематографа. Эти образы оказываются многослойными и включают, как минимум, три взаимосвязанных компонента: ценностный, символический и субъектно-деятельностный. Кроме того, в рамках анализа чётко проявляются устойчивые тематические линии, связанные с технологиями, социальными конфликтами, экологическими угрозами и ролью государства.

Ценностный компонент образов будущего проявляется в первую очередь в том, как участники фокус-групп интерпретируют моральные конфликты и социальные дилеммы, представленные в фильмах. Для студентов кино о будущем – это не только развлечение, но и средство переосмыслиния границ допустимого и недопустимого в человеческом поведении. Так, обсуждая фильм «Книга Илайя», один из информантов подчёркивает: *«Показано, как может низко пасть человечество... Там поднимается очень важная мораль»* (из фокус-группы со студентами факультета истории, социологии и международных отношений). Подобная формулировка свидетельствует о том, что произведение воспринимается как своего рода нравственный эксперимент, где демонстрируется предельная деградация социальных норм и человеческой солидарности. В этом контексте кино становится пространством, в котором молодые люди символически «проигрывают» предельные сценарии морального распада, одновременно проверяя устойчивость собственных ценностных ориентиров.

Ценностное измерение явно проявляется и в размышлениях о личной ответственности за будущее. Один из участников, размышляя о фильмах, где показаны перемещения во времени, говорит: *«Можно задуматься о том, что твои действия очень сильно могут повлиять на будущее, и надо правильно ставить перед собой цели»* (из фокус-группы со студентами экономического факультета). Это высказывание важно тем, что в нём прослеживается переход от внешнего сюжета к внутренней рефлексии: фильм выступает триггером для осмыслиения собственной жизненной траектории и долгосрочных последствий индивидуального выбора. Таким образом, ценностный компонент образа будущего не ограничивается абстрактными рассуждениями о «хорошем» и «плохом» обществе; он напрямую связан с опытом личной ответственности и представлениями о том, как частные действия могут суммироваться в коллективный результат.

Наряду с этим в фокус-группах неоднократно артикулируется страх утраты гуманистических оснований общества. В обсуждении различных футуристических фильмов и сериалов одна из участниц констатирует: *«Там в целом одни и те же темы раскрываются: про злобные корпорации, про грязь, про экологию. Либо про порабощение чего-нибудь»* (из фокус-группы со студентами художественно-графического факультета). Здесь видно, что кино о будущем воспринимается как концентрат тревог, связанных с властью капитала,

эксплуатацией и экологическим неблагополучием. Такой комментарий не только фиксирует наличие устойчивых мотивов в современном кинематографе, но и отражает то, как эти мотивы встраиваются в ценностное сознание молодёжи, усиливая внимание к социальной справедливости, правам и уязвимости человека в мире больших систем.

Одновременно символический уровень образов будущего окрашен в тона тревоги и безысходности, особенно при обсуждении фильмов-антиутопий. Разбирая фрагмент «Бегущего по лезвию», участники фокус-группы фиксируют эмоциональное впечатление от визуального ряда: *«Грусть. Грустно становится... Серый, грязный мир... Не радужное будущее»*. Здесь эстетика – «серый», «грязный» мир становится символом экзистенциального и социального истощения. Один из информантов связывает подобные образы с одиночеством и искусственностью отношений в контексте взаимодействия человека и искусственного интеллекта: *«Мне стало как-то жутко, что люди общаются с ненастоящими людьми. И это очень неестественно, искусственно выглядит. Обычный человек не может так менять свои образы, свои настроения и постоянно подстраиваться под другого человека. Это ненастоящие отношения»* (из фокус-группы со студентами художественно-графического факультета). Таким образом, визуальные элементы (темные города, дождь, плотная застройка, неон) в восприятии молодежи неотделимы от смыслов отчуждения, утраты подлинности и эмоциональной холодности будущего.

Субъектно-деятельностный компонент образов будущего проявляется в том, как молодые люди соотносят себя с персонажами и ситуациями, представленными в фильмах, – то есть в том, насколько они ощущают себя потенциальными агентами изменений. Во многих высказываниях участников звучит мотив примеривания на себя роли героя: *«При просмотре начинаешь задумываться, а что бы ты делал на месте главных героев»* (из фокус-группы со студентами экономического факультета). Такая формулировка показывает, что просмотр не ограничивается пассивным созерцанием: он запускает процесс мысленного моделирования собственных действий в условиях чрезвычайных ситуаций, технологических катастроф или радикальных социальных трансформаций.

В ряде случаев субъектность трактуется не только как способность сопротивляться угрозам, но и как способность адаптироваться к ним. Одна из участниц, говоря о впечатлениях от дистопических сюжетов, отмечает: *«Меня наталкивают не на мысли о том, что мир мы разрушаем... а как можно адаптироваться к этому новому грязному миру, в котором экологии никакой нет, и вот даже в «Первому игроку приготовиться», как это они переходят из реал лайф, в цифровую реальность, в... эти VR-очки. Мне очень нравится, как в разных фильмах это раскрывается, именно эта адаптация к новому нежизнеспособному миру»* (из фокус-группы со студентами факультета управления и психологии). Здесь явно просматривается ориентация не столько на протест, сколько на поиск жизненных стратегий в уже проблемном мире. Субъектность в таком понимании означает способность выживать и сохранять целостность, несмотря на неблагоприятный фон, заданный технологическими и социальными изменениями.

Дополнительное измерение субъектно-деятельностного компонента связано с осмысливанием отношений человека и больших структур – государства, корпораций, «системы» в целом. В обсуждении «Дивергента» студенты проводят прямые параллели между экранной фракционной структурой общества и реальными формами социального неравенства: *«А у нас разве общество так не разделено? У нас по ступенькам находится выше какая-то профессия, может, потому что она более оплачиваемая, более важная для государства, а ниже где-то волонтеры»* (из фокус-группы со студентами художественно-графического факультета). Это показывает, что кинематографические модели будущего становятся для информантов инструментом критической рефлексии над актуальными социальными структурами, а субъектно-деятельностный компонент включает в себя не только вопрос «что бы я делал на месте героя», но и вопрос «насколько я вообще могу что-то изменить в существующей системе».

Социальные конфликты и неравенства трактуются участниками как один из центральных мотивов экранного будущего. Антиутопические сюжеты (от «Дивергента» до «Голодных игр») воспринимаются ими как гиперболизированное, но узнаваемое отражение существующих проблем: разделения на «верхних» и «нижних», отчуждения власти от общества, вероятности протестов и бунтов. Характерно высказывание: «*Я считаю, это неэффективным... Бунты будут*» – в ответ на идею жёстких фракций из «Дивергента». Оно показывает, что студенты используют кинематографические конструкции как отправную точку для социальных прогнозов и критики авторитарных моделей.

В совокупности анализ цитат информантов показывает, что кино о будущем выполняет для молодёжи не только развлекательную, но и важную когнитивно-ценностную функцию. Через визуальные и сюжетные конструкции студенты обсуждают моральные дилеммы, символические коды и собственную потенциальную субъектность в меняющемся мире. Ценостные, символические и субъектно-деятельностные компоненты образов будущего, выделенные в фокус-группах, дополняют результаты количественного анализа и позволяют глубже понять, каким образом медиаконтент включается в процессы конструирования будущего в молодёжной среде.

Выводы

Результаты проведённого исследования позволяют комплексно охарактеризовать роль современного кинематографа в конструировании представлений студенческой молодёжи о будущем, а также раскрыть содержание, формы и структурные компоненты этих образов, учитывая как количественные, так и качественные данные. В совокупности они подтверждают тезис о том, что кино выступает одним из ключевых каналов формирования социального воображения и временной перспективы молодёжи, интегрируя ценностные, символические и субъектно-деятельностные элементы восприятия будущего.

Во-первых, эмпирические данные обосновывают значимую роль кинематографа как составной части массовой культуры в формировании образов будущего у студенческой молодёжи. Почти 90% опрошенных респондентов хотя бы эпизодически обращаются к фильмам и сериалам, действие которых разворачивается в будущем, а значительная часть регулярно потребляет контент, содержащий футурологические сюжеты. При этом жанровая структура предпочтений (доминирование антиутопий, высокой доли научной фантастики, заметное присутствие постапокалипсиса и футуристического фэнтези) свидетельствует о том, что именно кино предоставляет молодёжи наиболее яркие, эмоционально насыщенные и визуально выразительные сценарии возможного будущего. Кинематограф, таким образом, не только сопровождает процессы социализации, но и задаёт рамки осмыслиения технологического прогресса, социально-политических конфликтов, экзистенциальных угроз и перспектив развития страны.

Во-вторых, исследование позволяет раскрыть содержание и формы презентации образа будущего, циркулирующие в молодёжной среде. В восприятии студентов будущее чаще всего предстает в дихотомических фигурах: как пространство технологических возможностей и одновременно как зона техногенных, экологических и социальных рисков; как континуум, в котором потенциально усиливаются свобода, справедливость и прогресс, но вместе с тем возрастают вероятность неравенства, отчуждения и утраты человеческого измерения. На уровне эмоционального отношения преобладают надежда, оптимизм, гордость и любопытство, что указывает на наличие конструктивных ожиданий и готовности воспринимать будущее как пространство возможностей. Однако устойчивое присутствие тревоги и страха, зафиксированных на среднем уровне интенсивности, показывает, что этот оптимизм не наивен, а сопряжён с осознанием структурных вызовов – от внешнеполитических и экономических ограничений до экологических угроз. Формы представления будущего, значимые для молодёжи, включают как глобальные футуристические сценарии (космические, технократические, постапокалиптические миры), так и более «близкие» и осязаемые

перспективы, в которых продолжение настоящего соединяется с усилением уже наблюдаемых тенденций.

В-третьих, на материалах произведений кинематографа, популярных в молодежной среде, были выявлены и описаны три компонента образов будущего – ценностный, символический и субъектно-деятельностный. Ценностный компонент проявляется в том, как студенты интерпретируют моральные дилеммы, социальные конфликты и модели общественного устройства, представленные в фильмах. Обсуждение антиутопий, постапокалиптических картин и научной фантастики демонстрирует высокий интерес к проблемам социальной справедливости, свободы личности, ответственности за последствия технологического развития и экологических последствий человеческой деятельности. Значимая часть высказываний респондентов фиксирует не только внешнюю критику экраннных миров, но и внутреннюю рефлексию о собственных жизненных стратегиях, личном вкладе в будущее и границах допустимого в поведении людей и институтов.

Символический компонент связан с визуально-эстетическими и знаковыми аспектами образов будущего. Молодёжь тонко считывает архитектуру и фактуру экраннных миров, связывая темные, перенаселённые, загрязнённые города с ощущением деградации и одиночества, а светлые, структурированные и технологически гармоничные пространства – с представлениями об упорядоченности и потенциале развития. Образы корпораций, тотализированного контроля, искусственного интеллекта, разрушенной природы, фрагментированного общества становятся для студентов не только элементами сюжета, но и символами возможных траекторий реального мира. В этом смысле кинематографические тексты вписываются в более широкое семиотическое поле, где знаки и метафоры будущего конвертируются в устойчивые культурные сценарии.

Субъектно-деятельностный компонент образов будущего проявляется в представлениях молодежи о собственной роли в возможных сценариях развития. Фильмы и сериалы о будущем побуждают студентов примерять на себя позиции экраннных героев, анализировать варианты поведения в условиях кризиса, технологического сдвига или политической трансформации. Во многих высказываниях информантов отчётливо просматривается стремление понять, «что бы я делал на месте героя», «как можно адаптироваться к новому миру», «насколько возможно сопротивление системе». В этом плане кинематограф становится пространством не только для эмоционального переживания, но и для отработки моделей субъектности – от активного участия и сопротивления до адаптации и поиска ниш для самореализации в изменяющейся реальности.

Наконец, исследование позволяет охарактеризовать способы проектирования современным кинематографом образа будущего и то, как эти способы воспринимаются российской студенческой молодежью. С одной стороны, значительная часть популярных фильмов и сериалов о будущем строится по логике предупреждения: антиутопии, постапокалиптические сюжеты и дистопические техногенные миры эксплицируют риски, связанные с безудержным развитием технологий, усилением неравенства, разрушением природы и ростом социального контроля. С другой стороны, присутствуют произведения, предлагающие варианты позитивного или хотя бы амбивалентного будущего – с возможностью восстановления, адаптации, солидарности и поиска новых форм человеческого сосуществования. Молодёжная аудитория воспринимает эти нарративы не пассивно: она соотносит их с текущей социально-политической и экономической ситуацией, проводит параллели между экранными моделями и реальным устройством общества, критически оценивает как негативные, так и позитивные сценарии.

В целом можно заключить, что современный кинематограф, будучи важнейшим элементом массовой культуры, играет заметную роль в конструировании представлений о будущем у студенческой молодёжи. Он не подменяет собой другие источники формирования временной перспективы (образовательные институты, семейную социализацию, политический дискурс), но выступает одним из наиболее влиятельных каналов, через который молодые люди осмысляют возможные траектории развития страны и

мира, сопоставляют свои ожидания и страхи с коллективно разделяемыми образами, а также формируют собственные ценностные и субъектные позиции. Сочетание количественных и качественных данных показывает, что, несмотря на распространённость тревоги и неопределённости, студенческая молодёжь сохраняет ориентиры на конструктивное, ответственное и ценностно-ориентированное будущее, а кинематограф выступает значимым ресурсом как для критики нежелательных сценариев, так и для поиска образцов желаемого будущего.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FZEN-2025-0002 «Современный кинематограф как инструмент проектирования образа будущего у студенческой молодёжи России».

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - Москва: Медиум, 1995. 323 с.
2. Буланова М.Б., Великая Н.М., Гребняк О.В. и др. Образ будущего в призме социологических измерений: монография. - М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 368 с.
3. Вилков А.А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодёжи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – № 1 (22). – С. 101–107.
4. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 43–52.
5. Жабский М.И. Глобализм и функции кино в обществе // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. – 2005. – № 4 (42). – С. 43–50.
6. Замятин Д. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. – № 3. – С. 26–50.
7. Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодёжи // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28. – № 4. – С. 56–74.
8. Ильинский И.М. Будущее России и молодёжь: к новой концепции молодежной политики. - Москва: ВЕЧЕ, 2006. 328 с.
9. Комаровский В.С. Видение будущего страны российской молодёжью: надежды и опасения // Власть. – 2021. – Т. 29. – № 5. – С. 187–194.
10. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3–12.
11. Мартыненко Т.С. Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2023. – Т. 29. – № 2. – С. 120–139.
12. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. - М.: АСТ, 2006. 873 с.
13. Мкртычева М.С. Кино как предмет социологического изучения: возможности и перспективы // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 113–118.
14. Московичи С. От коллективных представлений к социальным (к истории одного понятия) // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 83–95.
15. Пищева Т.Н., Виноградова Н.С., Недова А.Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. Политические исследования. – 2010. – Т. 19. – № 4. – С. 107–121.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. - Санкт-Петербург: Питер, 2010. 720 с.
17. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Академический проект, 2017. 964 с.
18. Токарев А.А., Кравчук И.Д., Бойко М.Ю., Ильинский Р.В. Социология российского образа будущего: предварительные результаты // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 117–136.

19. Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 464. – С. 99–112.
20. Jessop B. The State: Past, Present, Future. - Cambridge: Polity Press, 2016. 504 p.
21. Kazakov A. Media Consumption by Russian Youth as a Factor of Political Socialization: Request for Media Literacy Education // Media Education, 2024, I. 3, pp. 419–428.
22. Lotman Yu. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. - London: I.B. Tauris, 1990. 288 p.
23. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. - Princeton: Princeton University Press, 2004. 208 p.
24. Polak F. The Image of the Future. - Amsterdam; London; New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 320 p.

References

1. Berger P., Lukmann T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium, 1995, 323 p. (In Russian).
2. Bulanova M.B., Velikaya N.M., Grebnyak O.V. et al. Obraz budushchego v prizme sotsiologicheskikh izmereniy [The image of the future in the lens of sociological measurements]. Moscow, FNISTS RAN Publ., 2023, 368 p. (In Russian).
3. Vilkov A.A. Tsennostno-ideologicheskiy faktor formirovaniya u sovremennoy molodezhi obraza budushchego Rossii (regionalnyy keys) [Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (Regional case)]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology]. 2022, I. 1, pp. 101–107.
4. Ginzburg M.R. Psikhologicheskoe soderzhanie lichnostnogo samoopredeleniya [The psychological content of personal self-determination]. Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]. 1994, I. 3, pp. 43–52. (In Russian).
5. Zhabskiy M.I. Globalizm i funktsii kino v obshchestve [Globalism and the functions of cinema in society]. Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research]. 2005, I 4 (42), p. 43–50. (In Russian).
6. Zamyatin D. Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodeystvie sovremennoykh gumanitarnykh nauk [Humanitarian geography: space, imagination and the interaction of modern humanities]. Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]. 2010, I. 3, pp. 26–50. (In Russian).
7. Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Smyslovyye komponenty obraza budushchego strany v predstavleniyakh molodyozhi [Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth]. Nauka. Kultura. Obshchestvo [Science. Culture. Society], 2022, I. 4, pp. 56–74. (In Russian).
8. Ilinskiy I.M. Budushchee Rossii i molodezh': k novoy kontseptsii molodezhnoy politiki [The future of Russia and youth: toward a new concept of youth policy]. Moscow, VECHE Publ., 2006, 328 p. (In Russian).
9. Komarovskiy V.S. Videniye budushchego strany rossiyskoy molodezhyu: nadezhdy i opaseniya [Vision of The Future of The Country by Russian Youth: Hopes and Fears] Vlast [The Authority]. 2021, I. 5, pp. 187–194. (In Russian).
10. Lapin N.I. Sotsiokul'turnyy podkhod i sotsial'no-funktsional'nye struktury [The sociocultural approach and societal-functional structures]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2000, I. 7, pp. 3–12. (In Russian).
11. Martynenko T.S. Kino kak predmet sotsiologicheskogo analiza: osobennosti sovremennoy kinematografii [Cinema as a subject of sociological analysis: features of modern cinematography]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2023, V. 29, I. 2, pp. 120–139. (In Russian).
12. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]. Moscow, AST Publ., 2006, 873 p. (In Russian).

13. Mkrtycheva M.S. Kino kak predmet sotsiologicheskogo izucheniya: vozmozhnosti i perspektivy [The cinema as a subject of sociological study: potentialities and prospects]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. 2012, I. 12, pp. 113–118. (In Russian).
14. Moskovichi S. Ot kollektivnykh predstavleniy k sotsial'nym (k istorii odnogo ponyatiya) [From collective representations to social ones: on the history of a concept]. Voprosy sotsiologii [Questions of Sociology]. 1992, V. 1, I. 2, pp. 83–95. (In Russian).
15. Pishcheva T.N., Vinogradova N.S., Nedova A.D. Obraz Rossii pod uglom zreniya politicheskikh kommunikatsiy [The image of Russia from the perspective of political communications]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2010, V. 19, I. 4, pp. 107–121. (In Russian).
16. Rubinshteyn S.L. Osnovy obshchey psikhologii [Foundations of general psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2010, 720 p. (In Russian).
17. Sorokin P.A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., 2017, 964 p. (In Russian).
18. Tokarev A. A., Kravchuk I. D., Boyko M. Yu., Ilinskiy R. V. Sotsiologiya rossiyskogo obraza budushchego: predvaritelnyye rezul'taty [Sociology of the Russian image of the future: preliminary results]. Polis. Politicheskiye issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2022, I. 5, pp. 117–136 (In Russian).
19. Shestopal E.B. Obraz ideal'nogo budushchego: normativnye predstavleniya rossiyskikh grazhdan o vlasti [The image of the ideal future: normative representations of Russian citizens about power]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. 2021, I. 464, pp. 99–112. (In Russian).
20. Jessop B. The State: Past, Present, Future. - Cambridge: Polity Press, 2016. 504 p.
21. Kazakov A. Media Consumption by Russian Youth as a Factor of Political Socialization: Request for Media Literacy Education // Media Education, 2024, I. 3, pp. 419–428.
22. Lotman Yu. Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture. - London: I.B. Tauris, 1990. 288 p.
23. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. - Princeton: Princeton University Press, 2004. 208 p.
24. Polak F. The Image of the Future. - Amsterdam; London; New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 320 p.